

Его лицо сейчас было ужасающим, словно у безумца. Опасное давление и жажда сокровищ заставили его сбросить маску, обнажив истинную, отвратительную сущность.

Он довел лицемерие, алчность и безжалостность до предела. Сейчас он был сумасшедшим. Нет, он всегда им был.

Пирсон, выслушав его, вспылil и уже занес кулак, намереваясь проучить Райли. Неужели этот тип окончательно спятил? Его нужно было привести в чувство хорошей оплеухой.

Счастличик, робея, попытался отодвинуться от Райли — в его глазах тот превратился в монстра. Случайно задев руку Хелены, он поспешно извинился:

— П-п-прости, пожалуйста.

Хелена покачала головой и с улыбкой произнесла:

— Счастличик, ты должен быть храбрее. Заставь всех изменить мнение о тебе. Докажи, что ты не никчемный человек, а настоящий герой.

Счастличик кивнул и опустил голову. Его лицо горело — должно быть, он покраснел.

Он чувствовал, что Хелена не такая, как остальные. Она была тем самым лучиком солнца, что проник в его сердце и вернул ему веру в себя. Он был ей искренне, безмерно благодарен, и она ему очень нравилась.

Эмма протянула руку и удержала Пирсона, готового наброситься на Райли. Она улыбнулась и покачала головой.

— Не стоит, Пирсон. Мы не будем спорить с сумасшедшим или драться с ним, ведь он того не стоит, и тратить на него время — пустая затея.

Слова Эммы разили, как иглы, но Райли словно ничего не слышал — он все так же продолжал безумно улыбаться.

Фрэнк тоже отстранился от Райли, глядя на него с опаской.

— Если не хочешь делиться, дело твое, но я и так примерно понял устройство местности.

Фрэнк провел черту. С этого момента Райли — это Райли, а мы — это мы.

Выражение лица Райли почти не изменилось. В конце концов, они все для него лишь обреченные муравьи, и он, великий победитель, не собирался лишать их права напоследок поболтать.

Вы остаетесь собой, а встретимся мы уже в аду.

Вид у него был такой, будто победа уже у него в кармане, будто он уже выбрался отсюда.

Фрэнк не собирался больше обращать внимания на безумца. Разговор с ним был пустой тратой нервов.

— Это место разделено на несколько зон. В центре — поместье, где мы сейчас находимся. На востоке — оружейный завод, на западе — больница Святой Елены, на юге — Красная церковь. Есть и другие места, заколоченные досками — их прибили недавно, краска еще свежая. Леди

Соловей в моем письме сообщила, что как только мы починим пять шифровальных машин, мы сможем открыть ворота для выживших и выбраться отсюда.

Закончив, Фрэнк вытащил свое письмо и показал остальным.

— Правда, расположение машин указано только на той карте, — Фрэнк с нескрываемым раздражением бросил взгляд на Райли.

Треysi едва не выронила пульт от злости.

— Ты такой эгоист! Ради сокровищ готов пожертвовать нашими жизнями? Тебе что, так сильно нужны деньги?

Райли усмехнулся:

— А разве не за сокровищами вы все сюда пришли? Разве каждый из вас втайне не надеется, что остальные сгинут, чтобы клад достался только ему? Не стройте из себя святош. Я хотя бы честен и не скрываю своего истинного лица, в отличие от вас: снаружи такие дружелюбные, а внутри только и думаете, как бы известить остальных.

Марта нахмурилась:

— Да, мы пришли сюда ради сокровищ, но мы никогда не планировали убивать ради них других, не так ли? И в моем письме ни слова не было о том, что клад достанется только одному.

— Я пришла сюда, чтобы найти отца. Я не думала о сокровищах, мне нужен только он.

При упоминании отца глаза Эммы снова покраснели. Пирсон, увидев, что она вот-вот расплачется, был готов прибить Райли на месте — этого мерзавца, который несет такую чушь и доводит его маленькую Эмму до слез.

Но Эмма просила не связываться с такими людьми... Его рука, поднятая для удара, безвольно опустилась.

— Я пришел сюда за сестрой, и я ее нашел, — раздался холодный голос Найба с дивана.

— Ты нашел свою сестру? — удивленно спросил Рой.

Найб кивнул:

— Моя сестра — Эмили. Я знал, что у меня есть родная сестра, которую я никогда не видел, — мать отдала ее на воспитание в другую семью. Леди Соловей сказала мне, что она в этом поместье, и дала подсказку, что сестра увлекается медициной. Я сразу догадался, что это Эмили, ведь только она учится на врача и обожает медицину.

Когда я услышал, что Эмили схватило то существо, я места себе не находил. Я не выполнил свой долг брата и позволил ей так пострадать, мне до сих пор не по себе. Поэтому я повел себя так импульсивно. Простите.

Слово простите далось Найбу с большим трудом.

Марта почувствовала, что начинает клевать носом. Взглянув на часы, она увидела, что стрелки показывают двенадцать.

— Так, расходимся по комнатам. Рой, Пирсон, отнесите Найба в его комнату. Фрэнк, Счастличик, идите с ними. Сегодня мы не будем спать по отдельности. Хелена, Трейси и Эмма, идете со мной в комнату Эмили, — Марта настороженно покосилась на Райли. Все поняли, что она имеет в виду.

Райли лишь презрительно усмехнулся:

— Не бойтесь, я не дам вам умереть так рано. Вы для меня лишь муравьи, которых я могу раздавить в любой момент, мне даже руки марать не хочется.

Сказав это, он направился к выходу и, толкнув дверь, вышел из дома.

Эмма ошеломленно смотрела на захлопнувшуюся дверь.

— Он что, с ума сошел? Сейчас полночь, вороны будут кружить над головами еще плотнее.

Пирсону было наплевать, жив Райли или мертв — такие, как он, заслуживают гореть в аду.

— Тех, кто хочет уйти, не удержишь, а тех, кто хочет умереть — не спасешь. Эмма, не обращай внимания на этого подлеца, иди отдыхай, — Пирсон заботливо подтолкнул Эмму, после чего Рой схватил его за шиворот, чтобы нести Найба.

— Эй, эй, Рой, куда ты так спешишь? Я еще не договорил! — возмутился Пирсон. Рой искоса взглянул на него и отрезал:

— Если дать тебе договорить, до рассвета не разойдемся.

Пирсон умолк и вместе с Роем отнес Найба в его комнату.

— Мы сегодня будем спать, как в прошлый раз? — спросила Хелена, когда Райли ушел.

Марта задумалась:

— Я ему ни капли не доверяю. Давайте сегодня все будем в одной комнате, так безопаснее.

Трейси согласно кивнула:

— Точно! А то я каждый день сплю одна, поговорить не с кем, ужасно скучно.

Эмма рассмеялась:

— Ты чуть не погибла, а думаешь только о том, как поболтать?

Трейси обиделась и навалилась на Эмму:

— Я не так легко умираю, понятно?

— Не знаю, кто это в прошлый раз управлял роботом на улице, чуть не попался той твари, а потом рыдал у меня на плече, как брошенный ребенок, — поддразнила Эмма.

Трейси густо покраснела и забормотала:

— Это была случайность! Просто случайность!

— Моя дорогая, ты каждый раз говоришь случайность, а ведь это я просила Пирсона тебя

спасти, — Эмма с улыбкой взъерошила волосы Трейси.

— Эй, не трогай мои волосы, не вырасту! Кстати, что у вас там с Пирсоном? — Трейси хитро прищурилась.

Теперь покраснела Эмма:

— Что значит что... да ничего особенного!

— Это как это ничего? — Трейси не унималась.

Марта, видя, что Эмма не справляется с натиском, вмешалась:

— Девочки, пора спать.

Она подмигнула Хелене. Та сразу поняла намек и зевнула:

— Как же я устала.

Эмма, заметив, что Хелена сонная, поспешила увести ее в комнату Эмили.

— Хелена, тебе нужно как следует отдохнуть. Ты сегодня столько бегала и так нам помогла, — от слов Эммы на душе у Хелены стало тепло.

Спасибо, Эмма, — подумала она про себя.

Трейси, увидев, что Эмма и Хелена уже скрылись в комнате Эмили, потащила за собой Марту. Марта лишь вздохнула, но уголки ее губ дрогнули — Трейси была по-настоящему неугомонной девчонкой.

Ночь сгустилась. В черном небе застыла кровавая луна, а вороны кружили над поместьем, распевая свои гимны.

В гостиной особняка, на десятиметровом кожаном диване, сидели трое мощных фигур. Диван был старым, но ценности своей не терял. На стене вниз головой висела огромная паучиха. В центре сидел человек с неестественно белым лицом, на котором застыла жестокая, пугающая улыбка. Коричневые кудри, губы, красные, будто испачканные кровью, в одной руке бензопила, другая — черная когтистая лапа. На нем был праздничный, но отнюдь не радостный костюм клоуна, а на носу — красный клоунский шарик. Справа от него сидел человек с головой оленя, который, казалось, терял терпение: он дергал цепи, но не издавал ни звука. Слева сидел человек, чье лицо было обезображено ожогами, а руки и лицо обмотаны грязными, окровавленными бинтами, которые, казалось, не меняли годами. В руке он сжимал небольшой золотистый серп, с которого на пол капала свежая кровь.

Паучиха — женщина, чьи конечности были заменены на восемь паучьих лап — была настолько жуткой, что разглядеть лицо было невозможно. Окутанная паутиной, она беззаботно висела вниз головой — головокружение ей было не страшно.

— Где Джек? Разве не он созвал нас на собрание? Я не успел допилить того парня, как примчался сюда, а он заставляет меня ждать? — раздраженно прорычал Клоун.

— Джокер, Бэйн, не будьте такими нервными. Джентльмену всегда нужно время на подготовку, разве нет? — усмехнулась паучиха.

Джокер фыркнул:

— Ха, Вайолетта, ты что, влюбилась в этого паренька?

Бэйн посмотрел на Вайолетту.

— Лео, это же привычка Джека, правда? К тому же он самый выдающийся среди нас, разве не так? — Вайолетта обратилась к человеку с серпом.

Лео лишь равнодушно кивнул:

— Вы же не первый день знаете Джека.

Он отвернулся. Ему не хотелось говорить, да он и не знал, что сказать. Казалось, вместе с воспоминаниями он утратил и чувства. Черт, он ничего не мог вспомнить.

Джокер, хоть и не признавал Джека, не мог отрицать его талантов и внешности. Он всегда считал его глупцом. Он спрашивал леди Соловей, каково было желание Джека при вступлении в ряды надзирателей. Ответ леди Соловей поразил его.

Она сказала: Джек хотел лишь вечной молодости и бессмертного тела.

Как смешно. Разве нормальный человек не выбрал бы безграничную власть или силу? Внешность — лишь оболочка. Какой в ней смысл? Только чтобы быть красивым?

— Ха, Джокер, Бэйн, раз вы такие нетерпеливые, зачем пришли? Могли бы убираться восвояси.

Раздался холодный голос Джека. Он появился, словно призрак.

Вайолетта, видя, что Джек окутан густым туманом, предпочла промолчать — сейчас он был опаснее всего. Лицо Джокера по-прежнему расплывалось в улыбке:

— Джек, опоздание — не лучший поступок для джентльмена.

Джек прищурился:

— Ты что, дама? Джентльмен никогда не заставляет дам ждать.

Под маской в его кровавых глазах вспыхнула жажда убийства.

— А разве Вайолетта не дама? — улыбка Джокера застыла. Он ненавидел Джека. Почему тот стоит такой элегантный и спокойный, насмехаясь над ним, пока сам Джокер выглядит как обманутая обезьяна?

Надзиратели тоже завидуют друг другу.

Джек перевел взгляд на Вайолетту:

— Леди Вайолетта, вы не в обиде на мое опоздание?

В его движениях сквозила аристократическая грация.

— Джек, как я могу быть в обиде на вас? — фальшиво ответила она.

На самом деле она боялась его. Потрошитель Джек — это кошмар наяву.

Джек с презрением взглянул на Джокера и сел на свободное место. Джокер едва не извергал огонь из глаз.

Джек, я уничтожу тебя. Уничтожу все, что тебе дорого. Сорву твою джентльменскую маску, чтобы ты валялся передо мной, как побитая собака.

Вайолетта зевнула и с любопытством спросила:

— Джек, почему ты так держишься за это поместье? Красная церковь ведь твоя территория, верно?

Джек посмотрел на свои призрачно-белые костяные руки.

— Это священное место, — пробормотал он.

Джокер усмехнулся:

— Священное? Церковь, обогренная кровью — это священно? Иисус? Разве он не стал одним из нас? Сын Божий? Разве Бог спас тебя? Джек, твои кровавые глаза — символ насилия и жестокости. Ты проклятый дьявол.

Джек промолчал.

Лео бросил на Джокера гневный взгляд:

— Джокер! Заткнись. Не тебе судить Джека.

Джокер в ярости вылетел из комнаты, разнеся дверь в щепки.

Лео попытался сгладить углы:

— Джек, у Джокера просто узкий кругозор, он не хотел тебя обидеть.

— Все в порядке. Это я не смею смотреть в лицо тому месту, — Джек горько усмехнулся под маской. Имел ли он право, мог ли он снова взглянуть на ту церковь?

Переродившийся Иисус — сын дьявола.

Он дал клятву своей невесте в Белой церкви.

Но вскрыл ее сердце прямо на алтаре.

Он убил множество проституток в Белой церкви.

Самыми жестокими способами возвестил о рождении Потрошителя.

С тех пор имя Белой церкви заменила Красная.

— Библия. Иисус. Сын дьявола —

— Я вскрыл свою возлюбленную и вынул ее сердце. В тот миг оно стало принадлежать только мне, — Джек поднес к губам остывший чай.

Вайолетта усмехнулась:

— Какая печальная и красивая история. Джек, ты становишься все более притягательным с этой своей извращенной любовью.

Лео нахмурился:

— Любовь вызывает у меня отвращение. Женщины — им нельзя доверять.

Он яростно взмахнул серпом. Кровь на лезвии в тусклом лунном свете выглядела еще более жутко.

Вайолетта, зная историю Лео, прикрыла рот рукой:

— Это потому, что ты не встретил настоящую любовь.

Лео замолчал. Бэйн в недоумении смотрел на них — он не понимал, о чем они говорят.

Джек вдруг тихо рассмеялся:

— Настоящая любовь? Мир считает меня самым жестоким дьяволом: я убил свою невесту, кромсал тех женщин... на моих руках столько жизней.

Но... разве это важно? Тот бог, которому они поклоняются — пустота. Должен ли я нести титул переродившегося Иисуса? Они называют меня монстром, а мои кровавые глаза — предвестниками беды. А те женщины? Разве они любили меня? Они лишь притворялись, глядя на мою внешность!

Джек смеялся, словно издеваясь над самим собой.

— Лео, на заводе кто-то чинит генераторы, будь осторожен, — сказал Джек, и туман снова поглотил его.

Лео в ярости бросился на завод, ругаясь на ходу. Кто посмел хозяйничать на его территории? Чинить генераторы? Жить надоело?

Оставшиеся Бэйн и Вайолетта тоже разошлись по своим владениям.

В тишине, за пределами особняка, среди засохшего много лет назад розового сада, стоял Джек. Роз не было, только голая, выжженная земля. Джек опустился на колени и коснулся этой земли своими огромными костяными когтями.

— Пока я не встретил ее, эту дерзкую и смелую девушку... Она подарила моему темному миру самые яркие краски, она дала мне новые глаза, чтобы видеть этот мир. Но я вскрыл ее на алтаре. Не правда ли, смешно? Вынуть ее сердце... Оглядываясь назад, я ни о чем не жалею. Теперь я готов вечно гнить в этом мрачном поместье, лишь бы смотреть, как она уходит отсюда.

Даже если она полюбит другого, я буду молча благословлять ее. Смотреть, как она в свадебном платье идет к алтарю, как принимает благословение любви, как стареет с тем, кого любит. А в конце... я заберу ее спящую в путь к новому перерождению. Кто виноват, что я давно утратил право на любовь...

Я готов быть твоей тенью, твоим невидимым стражем, пылью, которую ты не заметишь. Лишь

бы не быть тем, кого ты больше всего не хочешь видеть.

Джек улыбнулся. Но в этот раз улыбка была печальной.

<http://bllate.org/book/18723/1810048>